

М

ежду «хочу» и «Надо»

Экстремистские проявления в молодежных формированиях как форма девиантного поведения

Алла ВЕРУШ, кандидат
политических наук,
доцент

Исторический опыт свидетельствует, что для сохранения своей сущности на протяжении всех исторических периодов общество старалось устранять нежелательные для него человеческие проявления, отклоняющиеся от принятых правил и имеющие разрушительный характер. Противодействие носителям разрушительных явлений было различным по своему содержанию и используемым методам. Изначально речь шла о наказании и воздаянии за содеянное зло. Распространение идеи приоритета профилактики нежелательных для общества явлений стало значительным шагом вперед по сравнению с концепциями мести за «социальное зло».

Английский философ-материалист Т. Гоббс считал, что человек обладает изначально злой природой, движущей силой которой являются эгоизм, страсти, потребности, право каждого человека на все и пренебрежение к интересам других. Все это приводит к «войне всех против всех», которая делает невозможной нормальную совместную жизнь людей. В целях обуздания злой природы человека, ликвидации жизненного принципа «человек человеку – волк», по мнению Т. Гоббса, как раз и утверждается государство [1, с. 14].

С течением времени «закрадывавшееся сомнение в эффективности исключительно

наказания, репрессий привело к мысли о приоритетах превенции, предупреждения преступности и иных проявлений девиантности» [2].

За решение проблемы «социального зла» взялись философы, психологи, юристы, медики и педагоги – каждый с позиций своей науки. Однако особая роль в этом вопросе принадлежит социологии: обеспечение социальной безопасности стало одной из ее задач.

Французский социолог и философ Э. Дюркгейм считал, что лишь общее согласие, единство, социальная солидарность могут обеспечить безопасность общества [3, с. 14]. По мнению П.А. Сорокина, преступление и преступность являются результатом «принципиальной разнородности и даже «разорванности» системы социальных отношений, несоответствия «шаблонов поведения» различных социальных групп» [4, с. 14].

Но самое важное для науки не только объяснить, понять причины, приводящие к разрушению общества как целого, но и выработать «правила» безопасного социального поведения. Так появилась отрасль социологии как специальная (частная) социологическая теория, которая получила название – социология девиантности и социального контроля. Она претендует на изучение и объяснение самых различных

ОБ АВТОРЕ

ВЕРУШ Алла Ивановна.

Родилась в г. Каменце Брестской области. В 1993 году окончила Белорусский государственный университет, в 2006 году – аспирантуру.

В 1993–1997 годах работала учителем гимназии в г. Каменце.

С 1997 по 1999 год – преподаватель Белорусского государственного политехнического института (ныне – Белорусский национальный технический университет).

С 2005 года – доцент кафедры теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Кандидат политических наук (2008), доцент, профессор Академии военных наук Российской Федерации (2010).

Автор 77 публикаций, в том числе двух монографий, учебного пособия, двух курсов лекций.

Сфера научных интересов: политическое лидерство, антинаркотическая политика, национальная безопасность.

проявлений «социального зла» как социальных явлений.

Слово *deviance* (девиантность) переводится как отклонение, аномалия, ненормальность и используется для характеристики поведения, связанного с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам (нормам) поведения, ожиданиям, установкам. Это может быть не только нарушение формальных (правовых) или неформальных (мораль, обычаи, традиции, мода) норм, но и «девиантный» образ жизни, «девиантный» стиль поведения, не соответствующие принятым в данном обществе, среде, группе.

Социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, границу допустимого поведения. Возникли социальные нормы в первой форме объединения людей – кровнородственной общине, около 40 тыс. лет назад. Для нормального коллективного сосуществования людей требовались определенные «правила игры», которые делали эту совместную жизнь возможной. Поэтому для обуздания природных инстинктов и регламентирования поведения человека использовались первые социальные нормы – табу, которые разрешали противоречия двух видов: между природным «хочу» и социальным «надо» и в отношениях людей друг с другом. Иногда во время некоторых праздников для «выпуска пара» временно отменялись табу. И тогда устанавливался абсолютный хаос. Он же и приводил к осознанию того, что нормы действительно обязательны – они необходимы в личных интересах. Со временем люди стали осознавать эти нормы как собственное волеизъявление, которое необходимо охранять всеми доступными средствами.

В процессе эволюционного отбора неадаптивные, нефункциональные формы человеческой жизнедеятельности устранялись и отмирали. Сохранялись лишь те, которые выполняли полезные функции. В дальнейшем прошедшие эволюционный отбор закрепились не только в морали, но и в нормативно-правовой базе современного общества.

В девиантологии есть ряд направлений, обосновывающих доминирующую роль одного из факторов, вызывающих

девиантное поведение, остальным же отводится несущественная роль. Так, представители экономического направления в обосновании преступности ссылаются на исследование, которое провел Г. фон Майер в Баварии в 1836–1861 годах. По его данным, увеличение на полпenny цены на рожь влекло рост уровня преступности на одну пятую. В наши дни экономическое направление в обосновании преступности и иных девиантных проявлений продолжил лауреат Нобелевской премии по экономике Г. Беккер и его последователи [5].

Теория аномии принадлежит известному французскому социологу конца XIX – начала XX века Э. Дюркгейму. Суть ее заключается в том, что в стабильном обществе стабильны и уровень девиантных проявлений (пьянства, наркотизма, самоубийств, преступности и т.п.). В обществах же, быстро меняющихся в условиях социальной дезорганизации, отмечается состояние аномии, когда старые социальные нормы уже не работают, а новые еще не освоены. И тогда возникает «конфликт норм» [6, с. 40]. Резко возрастают проявления девиантности, превышая «нормальный» для данного общества уровень.

Постсоветский период и его последствия являются очевидным подтверждением дюркгеймовской аномии. Противоречия между советскими ценностями и менталитетом, с одной стороны, и новыми экономическими и политическими отношениями – с другой при отсутствии должного нормативного регулирования многих сфер общественной и государственной жизни привели к резкому росту, начиная с 1990-х годов, преступности, самоубийств, наркотизма.

Американец Р. Мертон стал родоначальником «теорий напряжения» (*Strain Theories*). Он рассматривал различные проявления девиантности как закономерное порождение социальных условий. В современном обществе богатство выступает общепризнанным символом успеха. Однако часть населения живет в условиях ограниченных социальных возможностей («напряжения»), а жесткость классовой структуры практически исключает возможность законным способом повысить социальный статус. Так возникает напряжение (*strain*). Требования культу-

ры, предъявляемые к конкретному лицу, оказываются противоречивыми: «с одной стороны, от него требуют, чтобы оно ориентировало свое поведение в направлении накопления богатства; с другой – ему почти не дают возможности сделать это институциональным способом» [2]. В результате напряжения формируются психопатическая личность и антисоциальное поведение. По мнению ученого, такая ситуация даже может привести к революционной деятельности.

Девиантное поведение молодежи объясняет теория субкультур, которая исследует подростковую преступность и бандитизм. Ее представители А. Коэн, Р. Клаурд и Л. Оулин подчеркивали значение конфликта между ценностями и целями «большого общества» и возможностями подростков из низших слоев достичь этих целей. На недоступность ценностей культуры общества подростки реагируют созданием субкультуры со своими целями и нормами. «По стандартам этой субкультуры поведение делинквента правильно именно потому, что оно неправильно по нормам более широкой культуры» [7, с. 317].

Анализ приведенных теорий позволяет сформулировать ряд существенных выводов. Девиантное поведение рассматривается как отклонение от социальных стандартов, наносящее ущерб обществу. Оно включает широкий круг проявлений – от хулиганского поступка до полной социальной патологии, политического экстремизма, радикализма и терроризма. Нельзя не

согласиться с Я. Гилинским, что, «будучи порождением социально-экономических, политических, демографических, культурологических изменений, характеристики девиантного поведения служат важным индикатором, «зеркалом» общественного бытия и «качества» населения» [2].

По мнению современных специалистов, такое социальное явление, как девиантность, не может быть объяснено «само по себе», поскольку оно является частью «социального целого, общества, вплетено в систему общественных отношений данного социума и «переплетено» с иными социальными феноменами, процессами». Виды девиантности как социальные феномены имеют социальные «причины», которые взаимосвязаны и нередко влияют друг на друга [8, с. 493]. Как правило, к проявлениям девиантности приводит совокупность факторов. Согласно теории, классическими из них являются: состояние аномии, резкая социальная дифференциация и поляризация общества, экономический кризис, социальная дезорганизация, «смена вех» в идеологии и т.п. Причиной отклоняющегося поведения считается несогласованность между целями, выдвигаемыми обществом, и средствами, которые оно предлагает для их достижения [2].

Можно утверждать, что девиантность присутствует всегда, однако степень ее проявления в разные периоды может быть различной. В современном обществе к проявлениям девиантности традиционно относят преступность и самоубийства, алкоголизм и наркотизм, а также активизировавшиеся в последние годы экстремизм и терроризм.

От экстремизма в настоящее время в полной мере не защищены ни развивающиеся государства, ни преуспевающие страны. Мир не успел пережить атаку экстремистов на редакцию парижского еженедельника «Шарли Эбдо» 7 января 2015 года, как уже 13 ноября того же года Париж накрыла серия терактов вооруженных групп террористов. Затем последовали взрывы в аэропорту и метро Брюсселя 22 марта 2016 года. И вот уже Брюссель и Париж латают антитеррористические бреши, подвергают резкой критике работу своих спецслужб и полиции по предотвращению терактов. Хотя всем очевидно, что дело не только в спецслужбах.

▼ Марш против террора и ненависти в Брюсселе. 2016 год

Проявления экстремизма в мире становятся все более активными. В этой ситуации и у нас в Беларуси необходимы эффективные превентивные меры. В основе решения данной задачи – выявление факторов, влияющих на уровень, структуру, динамику этого вида девиантности, а также выработка адекватной стратегии и тактики социального контроля над ними.

Опыт Европы показывает, что экстремизм «молодеет». Наиболее часто совершают преступления молодые люди в возрасте 15–25 лет. Экстремистское поведение молодежи – одна из наиболее актуальных социально-политических проблем. Так, по состоянию на 2013 год, по данным МВД России, на учете органов внутренних дел состояло 302 неформальных молодежных объединения, 50 из которых представляли наибольшую общественную опасность [8, с. 494]. Там же отмечается, что эти движения все больше вовлекают в свою деятельность молодых людей, несовершеннолетних, подростков, которые порой не до конца осознают смысл предлагаемых лозунгов. По экспертным оценкам, в среднем 80 % участников организаций экстремистского характера составляют лица в возрасте не более 30 лет [8, с. 494].

Проведенные исследования по вопросам молодежного экстремизма показали наличие объективных факторов, способствующих его появлению:

1. Экономические условия: ухудшение экономического положения в стране, падение жизненного уровня населения, остановка предприятий, рост безработицы.

2. Политические условия: кризис власти, выражающийся как в повышении агрессивности к инакомыслию, так и в неспособности обеспечить порядок и стабильность в обществе.

3. Социальные условия: усиливающееся социальное расслоение людей, появление несправедливо наживших состояние людей и бедняков, не желающих или неспособных прокормить себя и свои семьи.

4. Духовные предпосылки экстремизма: обесценивание моральных ценностей, опoшление массовой культуры. Когда нивелируются ценности труда, свободы, демократии, межнациональной терпимости, на смену приходит потребительское отношение к миру, нетерпимость к чужому, стадность.

К субъективным факторам роста экстремистского поведения молодежи следует отнести следующие: желание самоутвердиться в мире взрослых, отсутствие альтернативных форм проведения досуга, недостаточная социальная зрелость, недостаточный профессиональный и жизненный опыт. Большую роль также играют личностные факторы, такие как деформация системы ценностей; неполноценная коммуникационная сфера; приоритет досуговых ориентаций над социально полезными установками; неадекватное восприятие педагогических воздействий; отсутствие жизненных планов, «целей бытия» [9, с. 468].

Молодежь как переходная социальная группа наиболее уязвима перед негативными тенденциями современности. «Для молодежного возраста характерны эмоциональная возбудимость, неумение сдерживаться, отсутствие навыков в разрешении даже несложных конфликтных ситуаций» [10]. Характерный для молодежи протестный заряд может приобретать жестокие и агрессивные формы.

Одним из характерных проявлений девиации в нашей стране стали околфутбольные хулиганские группировки. По данным Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД Республики Беларусь, на январь нынешнего года отечественное «околфутбольное» движение включает 3430 человек, которые разделены на 64 так называемые «фирмы» (своеобразные подразделения численностью от 20 до 80 человек) под руководством 98 лидеров. Правоохранительные органы условно делят их на ряд течений: ультраправые (нацисты, неонацисты, неоязычники, скинхеды и др.) – таковых насчитывается 39 «фирм»; ультралевые (антифашисты, неоанархисты, панки, редскины и др.) – число их «фирм» достигает 15; и около 10 «фирм» так называемых нейтральных, действующих по ситуации.

В структуре движения околфутбольных хулиганских группировок имеется четкая иерархия. Как правило, руководят ими 30–35-летние лидеры, свою роль играют и неформальные лидеры. Основная масса группировок представлена молодежью и подростками, включая 12-летних, что позволяет им быть вполне управляе-

мыми и мобильными. Опасность заключается в том, что данная среда – это самая благоприятная почва для пополнения радикально настроенных политических группировок.

Любопытно, что в хулиганских группировках не так давно проявился раскол. Идеальным водоразделом стало отношение к событиям в Украине. Кроме разницы во взглядах, околофутбольные группировки отличаются видами доминирующих единоборств. У представителей ультраправых – это рукопашный бой, бокс, смешанные единоборства. Ультралевые предпочитают секции и клубы муай-тай, участвуют в нелегальных турнирах по регби. Не секрет, что молодежь для группировок зачастую подыскивают в спортивных клубах, и именно оттуда идет рекрутирование.

Следует отметить, что у нынешних околофутбольных группировок ярко выражена хулиганская направленность. Их лидеры втягивают несовершеннолетних в антиобщественные действия. Нередко пытаются внушить им идеи нацизма и ультралевой философии. А криминальный экстремизм стремится навязать молодежи нормы поведения, основывающиеся на так называемой «брутальности», вандализме, жестокости и агрессивности, которые становятся для многих жизненной стратегией.

Характерная черта – втягивание фанатов в политические процессы, подобно тому, как это было в Украине. Хулиганы являются зачинщиками не только массовых беспорядков со всеми вытекающими последствиями, но и кадровым резервом

для пополнения радикально настроенных политических группировок. Представители правоохранительных органов отмечают связь активизации деятельности белорусских «ультрас» с обострением событий в Украине, где основной движущей силой так называемого «Евромайдана» стали активисты футбольных фанатских движений, придерживающихся праворадикальной идеологии.

Обращает внимание на себя тот факт, что представители отечественных группировок имеют контакты с активными фанатскими движениями европейских стран, выезжают в Западную Европу, в Украину, где участвуют в уличных беспорядках и шествиях зачастую под лозунгами, разжигающими национальную и социальную рознь. В «карьерном списке» некоторых задержанных сотрудниками ГУБОПиК «татуированных» свастикой молодых людей, прибывающих из Украины, которые находились там, по их словам, в качестве «волонтеров», есть период взросления в неформальных молодежных фанатских движениях неонацистской направленности.

Существует вероятность, что разработчики сценариев «оранжевых революций» могут использовать потенциал околофутбольных хулиганских движений для своих целей. В пользу такого прогноза говорит высокая организованность и мобильность данных группировок. По словам начальника третьего управления по противодействию экстремизму Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД М. Бедункевича, в некоторых «околофутбольных группировках» имеется четкая иерархия, организованность, тренированность, несколько лет назад они даже «вливали на криминогенную ситуацию в регионах» [11].

Еще одной характерной чертой девиантного поведения околофутбольных хулиганов является противопоставление себя работникам правоохранительных органов как представителям власти. В периодически организуемых бойцовских турнирах члены группировок активно повышают свои навыки и затем активно применяют их в противостоянии сотрудникам охраны правопорядка, выполняющим функции обеспечения общественной безопасности.

▼ Фанаты футбольного клуба «Динамо-Минск» в Италии. 2016 год

Анализ оперативной информации, а также условий и факторов, способствующих девиантному поведению молодежи, указывает: для предотвращения экстремистских настроений необходим системный подход, интегрирующий меры политического, правового, административного и социокультурного характера. Борьба нужна не со следствием явлений, а с причинами, способствующими формированию и осуществлению экстремистской деятельности.

Так, значимое влияние на радикализацию молодежных настроений оказывает рост имущественного расслоения, социальной дифференциации и маргинализации общества, отсутствие условий для социализации молодежи. Очевидно, что имеет смысл говорить о комплексе задач и новых подходах в реализации молодежной политики в стране. Вопросы государственной молодежной политики и национальной безопасности Республики Беларусь находятся в прямой зависимости. «Ставка на молодежь – давний инструмент поддержания как национального духа, так и внешней экспансии, подрыва ценностных систем» [8, с. 494].

Нельзя не согласиться с А.В. Кузьминым, который обращает внимание на необходимость повышенного внимания к подросткам в контексте профилактики экстремизма, «поскольку агрессивное поведение с чертами расовой, этнической и религиозной неприязни возникает на ранних стадиях индивидуального развития, и если остается без должного внимания, то может закрепиться или обостриться по мере взросления индивида» [12, с. 39]. Следовательно, чем раньше начнется работа с моделями агрессивного поведения, тем больше шансов избежать их у молодежи во взрослой жизни. Важно внимание заинтересованных ведомств к деятельности спортивных клубов. Следует также усилить мониторинг сети Интернет на предмет размещения там экстремистских материалов и выявления фактов вербовки молодежи для участия в боевых действиях в Украине. Нельзя допустить, чтобы молодежная интернет-среда стала плацдармом для распространения экстремизма.

Есть смысл обсудить и варианты адекватного ответа со стороны идеологических структур нашего государства как сферы

сознания и смыслов. Очевидно, что обществу необходима «прививка» от экстремизма. И профилактика, бесспорно, лучше хирургии – ее приоритет не подлежит сомнению. Однако важна и неотвратимость наказания за осуществление противоправной деятельности. В этой части необходима доработка отечественного антиэкстремистского законодательства.

Обозначенная проблема приобретает особое значение в контексте социально-политической безопасности. Не допустить перерастания в реальные потенциальных угроз, обозначенных в Концепции национальной безопасности Беларуси, таких как «проявления социально-политического, религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды на территории Республики Беларусь; возникновение в Республике Беларусь беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность жизни и здоровью людей» [13] можно лишь усилиями всех нас. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Сочинения: в 2 т. – Т. 2 / Сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; пер. с лат. и англ. – М.: Мысль, 1991. – С. 3–545.
2. Гилинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гилинский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.druzya.org/deviant/.view-Glinskii.txt.full.html>. – Дата доступа: 15.04.2016.
3. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
4. Сорокин, П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П.А. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 618 с.
5. Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности: реферативный журнал. – Вып. 1 / Под ред. Л. Тимофеева, Ю. Патова. – М., 1999. – 434 с.
6. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
7. Козн, А. Содержание делинквентной субкультуры / А. Козн // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. статей; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1966. – С. 314–321.
8. Бидова, Б.Б. Экстремистское движение как тип девиантного поведения / Б.Б. Бидова // Молодой ученый. – 2014. – № 21. – С. 493–495.
9. Ганаева, Е.Э. Правовое воспитание подростков как средство коррекции девиантного поведения / Е.Э. Ганаева // Молодой ученый. – 2014. – № 20. – С. 467–469.
10. Бааль, Н.Б. Социально-философский анализ развития молодежных экстремистских организаций в постсоветской России / Н.Б. Бааль // История государства и права. – 2008. – № 18. – С. 12–13.
11. Эра пресечения // Советская Белоруссия. – 2016. – 26 марта.
12. Кузьмин, А.В. Административно-правовое противодействие экстремизму в молодежной среде / А.В. Кузьмин // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 6. – С. 38–44.
13. Об утверждении Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 окт. 2010 г., № 575 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.newsby.org/belarus/ukaz0/uk954.htm>. – Дата доступа: 17.05.2016.